

TRUE DRAMA

ПРАВДА, ПРЕВОСХОДЯЩАЯ ВЫМЫСЕЛ

ЧАРЛЬЗ ГРАБЕР

ДОБРЫЙ МЕДБРАТ

Страшно читать «Мизери»? Реальная история
Чарли Каллена, доброго медбрата, который
убил более сотни пациентов, —
вот где настоящая жуть!

Стивен Кинг

Чарльз Грабер

Добрый медбрат

Серия «True drama»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48647621
Добрый медбрат: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114616-0

Аннотация

История Чарльза Каллена, серийного убийцы, который признался властям, что он убил около 400 пациентов в течение своей шестнадцатилетней карьеры медбрата. Его называют «Ангел смерти». Он вводил смертельные дозировки лекарств, «чтобы облегчить страдания» своих жертв-пациентов. Чарльз Грабер расследует причины и следствия этого «леденящего душу», по определению самого Стивена Кинга, дела.

В скором времени планируется фильм, основанный на событиях, изложенных в книге.

Содержание

От автора	5
Часть 1	7
1	7
2	16
3	24
4	31
5	41
6	43
7	47
8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56
Комментарии	

Чарльз Грабер

Добрый медбрат

© 2013 by Charles Graeber

© Robert Krivicich, photo

© А.И. Стрельцов, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

От автора

Это реальная история, основанная на шести годах исследований и интервью с десятками информаторов, включая самого Чарльза Каллена.

Чарли – гордый и сложный человек, который, не считая наши беседы, никогда не делал публичных заявлений и не дал ни одного интервью СМИ. Наше общение продолжалось несколько лет, начиная с его попытки стать донором почки из тюрьмы. Продолжать его он не видит смысла.

Его точку зрения можно проследить на протяжении всей книги, однако конечная оценка принадлежит все же не ему.

Многие люди, молчавшие до этого, выступили для того, чтобы эта книга могла быть издана. Все они рискнули своей конфиденциальностью, некоторые – карьерой и репутацией. Некоторые рискнули своей свободой. Имена и личные подробности были изменены там, где они об этом просили, чтобы защитить их частную жизнь и жизни тех, кого затронули события, о которых рассказывается в этой книге.

Я приложил все усилия, чтобы рассказать эту историю точно на основании фактов, собранных из полицейских отчетов, свидетельских показаний, расшифровок, записей телефонных разговоров, записи слежки, судебных документов, показаний под присягой и личных интервью. Некоторые расшифровки были несколько отредактированы для сокраще-

ния объема и ясности, а некоторые диалоги были по необходимости восстановлены на основании документов, перечисленных выше.

Однако, как это всегда бывает с историями об убийстве, главные свидетели лишены голоса. Эта книга посвящается им, а также тем хорошим медбратьям по всему миру, которые отдают свою жизнь заботе о нас.

Часть 1

1

3 октября 2003 года

Чарли считал себя удачливым. Карьера сама нашла его: случайно или по воле судьбы, он не знал. После шестнадцати лет на своей должности Чарльз Каллен был полноценным ветераном, официальным медбратом с дипломом о среднем образовании и степенью бакалавра по уходу за больными. Лицензии на расширенную сердечно-сосудистую реанимацию, внутриаортальную баллонную контрпульсацию и реаниматологию принесли ему стабильные 27,50 доллара США в час в больницах Нью-Джерси и Пенсильвании. Работа была всегда. Даже несмотря на плачевную ситуацию в Аллентауне и Ньюарке, медицинские учреждения расширяли свои центры прибыли, обрастая новыми специализациями и услугами и находясь в вечной конкуренции за привлечение опытных дипломированных медбратьев и медсестер.

К 16:40 Чарльз Каллен сидел в машине, выбритый, намазанный гелем и одетый в белое. Белый верх и белый низ, желтый кардиган и стетоскоп на шее – чтобы все понимали, что симпатичный молодой человек работает в больнице, возможно даже врачом, несмотря на его нежно-голубой де-

сятилетний «форд-эскорт», которого уже коснулась ржавчина. После десяти лет в подвальной квартире в Нью-Джерси путь Чарли теперь начинался из-за границы штата, в Бетлехеме, Пенсильвания. У его новой девушки Кэтрин была там квартира, которую она украшала разными штучками из магазинов открыток: например, красными бумажными сердечками, или поющими хеллоуинскими тыквами-фонариками, или бумажными раскладывающимися индейками – в зависимости от сезона. И хотя Чарли начинала утомлять Кэтрин и двое ее сыновей-подростков, ему нравилось жить у нее. Особенно нравился ему маленький задний дворик, где он мог бездельничать в теплые дни, ошипывая цветы или делая опоры для томатов. Ему также нравилось, что всего пять минут требовалось, чтобы пересечь реку Лихай и оказаться в знакомом потоке на шоссе I-78 (восток) – артерии, выталкивающей тысячи рабочих на их смены в больницах, где не хватало мест, по всему «штату садов», пять или шесть из которых были неофициально закрыты для его найма.

За шестнадцать лет Чарльз Каллен стал объектом десятков жалоб и выговоров, четырех полицейских расследований, двух тестов на детекторе лжи, примерно двадцати попыток суицида и тюремного заключения, однако его профессиональная репутация осталась безупречной. Он переходил с работы на работу в девяти различных больницах и домах престарелых, и из большинства его «отпускали», «удаляли» или «просили уйти». Однако его лицензии медбрата в Пен-

сильвании и Нью-Джерси оставались чистыми. Каждый раз, когда медбрат Каллен заполнял анкету в новом месте, он выглядел идеальным кандидатом. Его посещаемость была образцовой, служебная одежда – стерильной. Он имел опыт в реаниматологии, кардиологии, вентиляции легких и ожогах. Он давал пациентам лекарства, был первым, кто оказывался на месте, когда аппараты фиксировали смерть, а также демонстрировал навыки в духе оригами при заворачивании тел в пластик. У него не возникало потребности изменить расписание, он не ходил в кино и не интересовался спортом, а также хотел, даже жаждал работать по ночам, в выходные и праздники. У него не осталось обязанностей перед женой и опеки над своими двумя детьми. Свободное время он проводил на диване Кэти, переключая телевизор с канала на канал. Неожданное поступление или трансфер пациента могли заставить его одеться и выехать из дома раньше, чем начнется рекламная пауза. Коллеги считали его посланником богов графика, настолько хорошим сотрудником, что не верилось в его существование.

Дорога до его новой работы в Медицинском центре Сомерсета занимала по сорок пять минут в каждую сторону, однако Чарли это не беспокоило. На самом деле ему это было нужно. Чарли считал себя разговорчивым, и это подтверждалось тем, что он легко делился неудобными деталями своих ссор с Кэти или нелепо разваливающейся домашней жизни. Однако существовали вещи, о которых он не мог поговорить

ни с кем, – тайные сцены, которые он проигрывал в голове только для себя одного. Лишь путь из дома на работу и наоборот позволял ему об этом поразмыслить.

Его маленький «форд» забарахлил после того, как он съехал с дешевого асфальта в Пенсильвании на гладкую дорогу в Нью-Джерси. Чарли держался в левой полосе до знака на съезд номер 18 – маленькую одностороннюю дорогу на трассу 22 в Сомервиль и на Рехилл-авеню. Это была хорошая часть Нью-Джерси, самого богатого штата союза, та часть, про которую не отпускали шуток, – пригородные улицы, усаженные большими деревьями, ухоженные дворы, не испорченные брошенными лодками или сломанными батутами, чистые дороги, на которых чаще встречались взятые в лизинг «сатурны», а не старые «эскорты». Он заглушил мотор в гараже, как обычно приехав раньше, и поспешил к заднему входу в больницу.

За двойными дверями находился никогда не засыпающий шумный город, освещенный гудящими флюоресцентными лампами, – единственное место, в котором Чарли чувствовал себя как рыба в воде. Ступив на сияющий линолеум, он почувствовал прилив восторга, волну тепла, вызванную запахами родного дома: запахами пота, марли и бетадина, ароматами вяжущих средств и антибактериальных детергентов, а также, помимо всего этого, сладковатым запахом человеческого разложения. Он стал подниматься по задней лестнице, перешагивая через ступеньки. Его ждала работа.

Работа Чарли принимала его так, как не принимала почти ни одна другая сфера его жизни, начиная с детства. Чарли описывал его как «жалкое». Он был поздней ошибкой^[1] своих родителей, ирландских католиков и выходцев из рабочего класса, которую они с трудом могли содержать^[2]. Он родился незадолго до смерти своего отца и задолго после того, как все семеро его братьев и сестер выросли и переехали. Их небольшой деревянный дом в Уэст-Ориндже^[3] был мрачным, несчастливым местом, над которым тяготели наркозависимость братьев Чарли, бесконечные беременности и нищета взрослых сестер, а также странные и грубые мужчины, которые приходили их навестить в любое время дня. Только мать Чарли старалась оберегать его от того, что происходило в этих комнатах на втором этаже. Он был крайне привязан к ней, но даже ее любви ему не хватало. Она погибла в автокатастрофе, когда Чарли учился в старшей школе. После этого он остался совсем один. Он ненавидел больницу, которая оставила ее тело у себя, и утешить его было невозможно. Он попытался покончить с собой, вступить в армию, но ни то ни другое не увенчалось успехом. В конце концов он вернулся в больницу, в которой умерла его мать, и нашел свою цель в жизни.

В марте 1994 года^[4] Чарльз Каллен был единственным студентом мужского пола^[5] в школе обучения медбратьев и медсестер Маунтинсайд в Монклере, Нью-Джерси. Он был умным и хорошо учился. Ему идеально подходила эта уче-

ба и униформа, а женское окружение было знакомым и комфортным. Когда почетный президент группы ушла после двух недель первого семестра, одна из сокурсниц Чарли настояла, чтобы он заступил на этот пост^[6]. Она убеждала его, что лучшего лидера не найти: Чарли был умным, красивым и, что важнее всего, мужчиной. Чарли было приятно, но выдвигать свою кандидатуру в качестве президента было не совсем в его стиле. Чем больше он возражал против этой идеи, тем сильнее сокурсница старалась его убедить. Ему не нужно будет ничем рисковать, она все сделает сама. Чарли неплохо себя чувствовал в пассивной роли ворчливого кандидата, еще лучше – когда победил. Позиция президента группы была скорее символической, однако казалось, что она открывает некий новый этап в жизни Чарли. Спустя шесть лет после того, как его мать закончила свою жизнь в больничном морге Маунтинсайда, Чарли стал его избранным наследником, коронованным и признанным всем штатом профессионалов по уходу за людьми в их белой униформе. Впервые в жизни он чувствовал себя особенным. В сознании Чарли это было нечто, очень близкое к любви.

Чарли оплачивал обучение благодаря работе в заведениях анонимной франшизы, проводя часы за приготовлением пончиков и переворачиванием мяса. Он пополнял запасы, засыпал приправы, а в перерыве мыл полы – уборка требовалась всегда. Он находил забавным, что слова вербовщика о том, что армейские навыки помогут ему в гражданской

жизни, оказались правдой. Так же, как и на флоте, все его гражданские профессии требовали ношения униформы. Для «Данкин донатс» это была коричнево-оранжевая рубашка и козырек. В «Кэлдор» униформа была такого же цвета, но отличалась полосками. Чарли приходилось быть внимательным к тому, правильную ли рубашку он вытащил из кучи одежды на полу. В ресторанах «Рой Роджерс» заставляли носить рубашку ржавого цвета, который делал незаметными пятна от соуса барбекю, так же как цвет ковров в казино делает незаметной жвачку. Эта одежда выглядела ужасно, но только не на менеджере Чарли, которую звали Эдриэнн. Особенно ему нравилось то, как был прицеплен ее бейджик.

Эдриэнн Баум^[7] была девушкой совершенно другого склада, чем те, которых Чарли знал в Уэст-Ориндже. Она была амбициозной, только что выпустилась из колледжа с дипломом по бизнесу и выплачивала студенческий кредит. Чарли наблюдал за ней, замирая со шваброй в руках во время уборки бара в «Рой Роджерс» в Уэст-Ориндже. Однако у Эдриэнн был парень, и ее вскоре должны были перевести в другое место. Чарли ушел и удвоил свои часы в «Кэлдор», который находился по соседству, однако обедать продолжал в «Рой Роджерс». Когда месяц спустя Эдриэнн вернулась уже без своего парня, Чарли был тут как тут.

Отношения развивались так быстро, как Чарли только мог устроить. Эдриэнн была удивлена тем, что под маской скромного мальчика с щенячьими глазками, которого она

привыкла видеть за уборкой соусниц, скрывался такой уверенный в себе мужчина. Он хотел привлечь ее внимание и делал это всеми известными ему способами, заваливая Эдриэнн подарками и изображая идеального парня для ее семьи. Чарли был одержим попытками завоевать ее любовь, подкрепляя их постоянными цветами и сладостями, разными мелочами из магазина. Любую вещь, о которой Эдриэнн упоминала как о чем-то, что ей нравится, Чарли старался ей подарить. В конце концов ей пришлось попросить его перестать так делать. Она притворялась, что ее это раздражает, но на самом деле это, конечно, было не так. Она понимала, сколько девушек мечтали бы оказаться на ее месте. Этот парень был настоящей находкой. Тот факт, что Чарли постоянно уходил или его увольняли, она списывала на его высокие стандарты и загруженное расписание. Эдриэнн говорила своим подругам о том, что этот парень работает на трех работах, президент своего курса, относится к своей карьере так же серьезно, как она к своей. Да, он гой, а значит, не идеален. Однако близок к этому.

Вскоре любое свободное время, которое у юной пары находилось между их сменами и учебой Чарли, они стали проводить вместе. Они составляли союз, полноценный, но закрытый. Они называли это любовью, а спустя полгода после первого свидания^[8] они уже были обручены. Они поженились через неделю после того, как Чарли закончил учиться. Арендванный зал в Ливингстоне, смокинги, медовый ме-

сяц на Ниагаре – для Эдриэнн это было настоящей сказкой. Они вернулись на день раньше, чтобы ее принц мог выйти на свою новую работу в отделении ожогов в Медицинском центре святого Варнавы в Ливингстоне, Нью-Джерси. Больница предлагала дать ему еще немного времени, однако Чарли был непреклонен. Ему нужно было выйти именно в этот день, он не хотел опаздывать. Эдриэнн помахала ему на прощание и почувствовала, как перед ней расстилается странная дорога в будущее.

Июнь 1987 года

Сертифицированное отделение ожогов в Нью-Джерси существовало только в Медицинском центре святого Варнавы, поэтому он принимал всех: кошмарные останки людей, тех, кто пострадал от ожогов в аварии, домашних пожарах, несчастных случаях на производстве; мужчин, женщин и – чаще всего – детей, сгоревших почти полностью, без волос и век, обожженных настолько, что восстановить кожу уже невозможно. Работа Чарли заключалась в том, чтобы очищать таких жертв на металлическом столе: сдирать и отмыывать обгоревшую и отмершую кожу с помощью антибактериального мыла и щетки. Даже в контексте реаниматологии это невероятно мрачная процедура; для человека, только выпустившегося из медицинской школы, – настоящий ад.

Все ожоги начинаются с истории. Мать, тянущаяся к чайнику в ночной сорочке^[9]; паралитик, роняющий сигарету; пьяный, подбрасывающий поленья в костер; пробитый бензобак изношенного автомобиля. Огонь – кульминация истории. Тело реагирует на травму предсказуемо. Наиболее смертельны ожоги третьей степени – множественные слои кожи, нервов, вен, артерий и мышц деформируются и отмирают, – однако ожоги второй степени причиняют больше боли, так как нервные окончания еще функционируют. В вось-

мидесятые отделения ожогов сотрясались от криков. Единственным спасением был морфий. Некоторые пациенты приходили в себя, другие проводили в отделении свои последние дни. Медработники знают, кого ждет та или иная судьба. Судьба пациента – сухая статистика, написанная у него на коже. Рано или поздно все учатся ее читать.

Одна и та же картина на обгоревшем холсте – человеческая фигура без волос и одежды. У нее нет возраста, пола, волос. Пальцы на ее ногах указывают на то место, куда она вскоре отправится. Руки вытянуты и повернуты ладонями кверху, в универсальном жесте мольбы и капитуляции. Ее глаза открыты, на них нет век, губы целы, но лишены выражения. Ее состояние можно определить со стопроцентной точностью, обращая внимание на остатки бедер, ног и головы. Характер повреждений соответствует определенному количеству очков: 1 – за гениталии, 1,25 – за каждую кисть и так далее. Однако есть и более простой способ.

Медработники называют его «правилом девяти». Каждая крупная часть тела – нога, спина, голова – соответствует девяти очкам. Общее число очков складывается и прибавляется к возрасту пациента; сумма – вероятность смерти. Согласно этому правилу, пятидесятилетний пациент с ожогами пятидесяти процентов тела – стопроцентный мертвец. Если не сейчас, то очень скоро. Правило помогает лучше справляться с неизбежным, а также определить, кому из пациентов больше требуется хотя бы скромная порция надежды. Каж-

дый медработник в отделении ожогов знает это правило, говорить о нем нет большого смысла; его используют, а затем пытаются забыть о его существовании. Грядущая смерть, как черная кошка в отражении зеркала заднего вида, – всегда будет там, если смотреть. Так зачем смотреть?

Тем временем боль среди пациентов с ожогами невозможно вылечить, поэтому медработникам не остается ничего, кроме как вводить им все больше доз морфия. Когда пациенты умирают, не всегда можно определить: скончались они от передозировки или травм, несовместимых с жизнью. Все, что ясно: им больше не больно.

Пациенты в это отделение прибывают в любое время суток. Они попадают туда удивительным образом: на носилках или приходят сами, в одиночку или группами. Иногда они сохраняют ясный рассудок, разговаривают, беспокоятся о том, что пропускают смену или прием у парикмахера. Так выглядит шок. Вскоре за ним приходит осознание реальности.

Жертвы ожогов подключены к аппаратам, капельницы подведены к венам на руках и бедрах, пластиковые трубки торчат из всех отверстий, сверху и снизу. Соли, электролиты, обезболивающие, антидепрессанты, жидкая пища; тело набухает от жидкостей, иногда увеличивается в размерах вдвое. Мошонка раздувается до размеров волейбольного мяча, глаза вылезают из орбит, губы надуваются и трескаются, как пережаренные сосиски. Кожа натягивается до тех пор,

пока пациент не становится твердым, как мрамор. Кровеносные сосуды закупориваются. Сердце начинает умирать. Поэтому их режут. Для хирурга это простая работа. Лезвие проходит по длине рук и ног, сзади и спереди. Разрезают даже кисти, распухшие, как вымя. Скальпель доходит до глубины сухожилий и делает пять небольших надрезов под костяшками, словно вырезает отверстия на кожаных перчатках. Надрезы^[10] позволяют дать внутренностям больше места, как складки на брюках, облегчить давление, высвободив огромное количество жира и крови. Запах, возможно, ужасен, но кровотечение – это хорошо. Пока оно есть – пациент жив. Однако оно добавляет работы.

Плиссированные кожные покровы свободны, как кожаная рубашка с короткими рукавами, шокирующая на ощупь. Медработникам требуется время, чтобы приспособиться и научиться без усилий справляться с такими тактильными сторонами травм. Когда они перестают с ними справляться, они уходят. Некоторые медработники покидают отделение интенсивной терапии ожогов сразу и меняют его на что-то менее жестокое. Другие остаются до тех пор, пока не сталкиваются с обгоревшим пациентом, напоминающим им кого-то близкого или их самих.

Почти треть пациентов этого отделения – дети. Иногда ожоги – это наказание за то, что они обмочились в кровати или забыли сделать работу по дому. Медработники определяют следы насилия. Среди них ожоги от батареи и сигарет,

зажигалок и конфорок, красные следы горячей воды и черные следы удара током. Каждый имеет собственный тип боли. Чарли видел их все.

Некоторая боль разбегается по коже паутиной маленьких красных следов, другая остается в виде волдырей или тонких белых рубцов. Медработники делали всё, от них зависящее, чтобы скрыть боль за чистыми марлями и бинтами, за ширмой обезболивающих. Однако Чарли знал, что боль может оставаться тайной. Боль может тлеть, обжигая изнутри и никак не проявляясь снаружи. Особенно у детей. В отличие от взрослых, дети не кричали, когда он их чистил, не ныкали, лежа в своих постелях. Дети терпели боль и хранили свои секреты, чтобы не быть наказанными. Мать Чарли никогда не использовала конфорку или горячую кастрюлю в качестве наказания, но причиняла ему боль иными способами. Его дразнили и били бойфренды сестер, большие парни, у которых были кольца, «шевроле», «камаро» и облегающие джинсы. Он чувствовал их взрослую силу и никогда не забывал, что значило быть ребенком, боящимся ее тени. У одной из его сестер был постоянный парень, который жестоко избивал ее на протяжении всей ее беременности. Она убегала, но бойфренд не уходил. Чарли тоже становился жертвой его безжалостного нрава.

Он познал боль в армии. Ожоги были наказанием за «порчу имущества флота», как они выражались. Он просыпался утром после увольнительной на берег, которая заканчива-

лась попойкой, со ступнями, красными от солнечных ожогов и опухшими до размеров футбольного мяча. Они заставляли его надевать военную обувь и давали лишь таблетку аспирина. Во время работы он напоминал себе, что он знал боль так, как не знал ее никто. Чарли думал об этих детях, находившихся в страшных мучениях, которые никто не был способен понять и унять. К этому времени медработникам запретили давать детям какие-либо обезболивающие сильнее тайленола-3^[11]. Этого было совсем недостаточно. Многие медработники хотели давать детям больше. Некоторые из них так и делали.

Дети поступали в отделение горячими и опухшими, болезненными и напоминающими Чарли о его собственной боли. Он брал на руки этих кричащих, плавающих маленьких людей, зная, что скоро хирурги будут разрезать их, точно печеную картошку, делать Y-образные надрезы, чтобы их не разорвало, и это будет лишь первой в череде многочисленных операций. Со временем их расплавившаяся кожа затвердеет и превратится в шрамы, венообразные линии, которые хирурги снова будут разрезать, чтобы шея и руки сохраняли подвижность. Без этих операций дети останутся запертыми внутри своих запеченных тел. Твердые шрамированные оболочки становятся слишком негибкими, чтобы справиться со скачками роста и нормальными движениями. Единственной надеждой таких детей были скальпель и «скафандр» – похожая на гидрокостюм одежда, которая сжимает ребенка в болез-

ненных объятиях. Такой «скафандр» давит на шрамы, делая их тоньше, как скалка, которая без конца раскатывает неподатливое тесто. Возможно, если они будут трудиться не покладая рук, то со временем, ценой боли и давления, кокон из шрамов станет достаточно тонким. Однажды ребенок сможет двигаться и расти. Однажды, может быть, он даже сможет забыть о боли. Чарли знал, что дети могут жить. Может увеличиваться их возраст, но не тело; без помощи медработника они навсегда будут заперты внутри стонущего кокона их собственного детства. Чарли считал это одним из самых точных уравнений на свете: мир давил с одной стороны, а «скафандр» – с другой.

Чарли нравилось работать в «Святом Варнаве». Он знал, что он здесь полезен и необходим. Ему нравилось заботиться о немощных, мыть, кормить и одевать зависящих от него людей. Ему нравились одиночество ночной смены и профессионализм более старших коллег. Ему нравилось даже название госпиталя; воспитанный в католической семье, Чарли знал, кто такой апостол Варнава. У него были собственные отношения с этим святым. Церковь отмечает праздник апостола Варнавы 11 июня. В этот день Чарли Каллен начал работать в Медицинском центре святого Варнавы^[12].

В церкви, которую Чарли посещал по воскресеньям, в арке на витраже был изображен апостол Варнава в виде бороатого и красивого компаньона Луки и Павла – своего рода Арамис из «Трех мушкетеров» раннего христианства^[13]. Бу-

дучи евреем, он носил имя Иосиф. Землевладелец, продавший свои угоды и отдавший деньги апостолам^[14]. После обращения святой Варнава стал примером для подражания:

Позволь, Господи, следовать примеру твоего верного слугителя Варнавы, который в поисках не своей собственной славы, но благополучия твоей церкви отдал тебе свою жизнь и душу...

Однако Чарли не нужны были подобные молитвы. Для свадьбы с Эдриэнн он формально отрекся от религии, в которой воспитывался, и обратился в иудаизм. Чарли чувствовал, будто проживает жизнь святого в обратном порядке.

Независимо от того, насколько добры святые, конец их всегда не очень приятный. Кастрация, дефенестрация, горячие клещи, тюрьма – святой играет роль козла отпущения, мученика. Варнава был забит до смерти камнями^[15], однако его история пережила его самого. Каждый католик знает его имя. В этом и заключается парадокс жизни всех святых, как его еще с детства понимал Чарли: память о них была прекрасной и вечной, но начиналась только после ненависти, которая приводила к их гибели^[16].

Октябрь 1987 года

Эдриэнн и Чарли Каллены взяли ипотеку на маленький одноэтажный дом в промышленном пригороде Филлипсберга, Нью-Джерси. Дом был тесным и темным, а также срочно требовал покраски. Одна сторона выходила на конструкцию, напоминающую основу билборда, а задний двор – на заросший пустырь, однако цена укладывалась в рамки их совместного дохода. Эдриэнн нашла новую работу в качестве программиста. Это была стартовая позиция, но хотя бы в деловом офисе, а не заведении быстрого питания. Их противоположные графики, по которым она работала целыми днями, а Чарли – целыми ночами, были одной из причин, по которым Эдриэнн чувствовала себя одинокой. Это чувство росло с каждым днем, с Чарли или без него.

Самоуничижительность и ранимость были частью обаяния Чарли. Он так откровенно рассказывал и так смешно шутил о своих личных проблемах – особенно насчет периода депрессии и алкоголизма, – что Эдриэнн быстро начала думать, что она знает этого человека, но, что еще важнее, что он знает себя сам. Его обращенный внутрь взгляд придавал ему вид человека не сломанного, но опытного или даже взрослого. Это создавало для Эдриэнн иллюзию того, что Чарли имел полную власть над своими демонами, хотя

на самом деле он тогда только начинал с ними знакомиться. Эдриэнн чувствовала, что в их отношения пришли первые заморозки и между ними наступила ранняя осень. Она списала это на эмоционально сложную работу мужа и решила, что просто не усвоила урока, который должна усвоить жена каждого медика: любовь всегда проигрывает смерти. Она и представить не могла, что ее муж снова начал пить.

Выпивка была той частью армейской культуры, которую Чарли освоил лучше всего. Он пил, чтобы напиться. Ему нравилось красное вино и тропические напитки – в крайнем случае он мог выпить даже «Листерин»¹, – что не раз приводило его в военный госпиталь и психиатрическую больницу, а также познакомило его с дисульфирамом и обществом анонимных алкоголиков. Эдриэнн никогда не сталкивалась с этой стороной своего мужа. Она ни разу не видела, как он пьет. В период, когда они встречались, он всегда говорил, что просто «не может пить». Эдриэнн всегда считала его воздержание следствием убежденности, а не предосторожностью. Когда Чарли переехал в ее квартиру в Юнионе, она выкинула даже пыльную бутылку «Бейлиза», которую держала для важных гостей.

В Филлипсберге Чарли держал выпивку в своем армейском сундуке, сундук держал в котельной, а котельную держал закрытой на замок. Он пил в одиночестве в подвале, из-

¹ Листерин – антибактериальный ополаскиватель для полости рта, который разрабатывали в XIX веке как хирургический антисептик. – *Примеч. ред.*

бегая присутствия жены. Ему там нравилось. Туда вел только один вход, под ним никого не было, вокруг сплошная земля и всегда темно. Котельная была таким местом, где можно было пить, размышлять и наблюдать за игрой света контрольной лампы.

Первый год супружеской жизни прошел вихрем. Чарли был невероятно занят. Он получил свою лицензию медбрата в Нью-Джерси спустя месяц после того, как стал работать в медцентре святого Варнавы, а еще через месяц начал получать еще одно образование в колледже Кин. Разрываясь между учебой, работой и дорогой, Чарли редко бывал дома. Эдриэнн смотрела шоу Дика Кларка в новый 1988 год в одиночестве с бутылкой шардоне. К февралю она забеременела. Это и была семейная жизнь, вся ее суть. Однако она чувствовала, что муж обращается с ней холодно, почти по-деловому, будто с одним из пациентов. Эдриэнн поняла, что эта холодность возросла еще больше той осенью, когда родилась их дочь Шона^[17]. Теперь любые знаки внимания, которые Чарли раньше оказывал жене, были направлены исключительно на ребенка. Эдриэнн не понимала этой его реакции – будто Чарли нужно было выбирать между женой и ребенком, как если бы он не мог сосредоточить свои чувства больше чем на одном человеке. Чарли был чересчур переполнен энтузиазмом, когда дело касалось новых вещей: их отношений, их дома, их семейной жизни. Однако его чувства исчезали, как только уходила новизна. Она видела, как он точно так же те-

ряет интерес к ее собакам, сначала – к ее йоркширу по кличке Леди. Эдриэнн обожала Леди и поначалу думала, что Чарли – тоже. Он механически гладил ее, чесал за ушком, с интересом наблюдал, как она поглощает свою еду. Затем будто что-то переключилось, и собака перестала его интересоваться.

Однако он, кажется, был заинтересован в новом щенке – так, по крайней мере, казалось Эдриэнн, когда они его выбирали. Это был ее второй йоркшир, друг для Леди. Эдриэнн ушла на работу утром во вторник, оставив Чарли с ребенком и щенком, как она всегда делала в его выходной. Когда Эдриэнн вернулась, щенка не было. Чарли, казалось, это совсем не трогало и он не хотел помогать ей в поисках.

Чарли сказал, что щенок убежал. Или что он, вероятно, убежал – сам Чарли вышел прогуляться, пока ребенок спал. Эдриэнн не поверила своим ушам: прогуляться, оставив ребенка *одного*? Ну, сказал Чарли, отводя взгляд. Все, что он знал, – это то, что, когда он вернулся, щенка уже не было. Он не выглядел обеспокоенным этим фактом. Он не выглядел обеспокоенным вообще ничем.

Эдриэнн не понимала: как Чарли мог оставить их новорожденную дочь одну? С открытой дверью в доме! По словам Чарли, она не была открытой, а скорее приоткрытой. К тому же он был уверен, что ребенок не проснется. Эдриэнн не понравилась его последняя фраза. *Знал*? Он что-то дал ребенку? Она подозревала, что он давал их дочери лекарство от простуды, чтобы она вела себя спокойнее, и они уже ссо-

рились на эту тему. Он всегда это отрицал, и обсуждение никуда не приводило. В конце концов никуда не привел и этот спор. Чарли в один момент просто перестал пытаться ее переубедить; он просто оставил все как есть и спустился в подвал. Эдриэнн снова осталась одна и в крайнем замешательстве. Она не понимала, куда делся мужчина, за которого она вышла замуж, почему он потерял интерес ко всему, кроме формальных аспектов их отношений. Даже когда Чарли физически находился дома, в эмоциональном плане его не было рядом. Она ловила его взгляд в отражении от кофемашины, изучала его неподвижное утреннее лицо и думала, остался ли в этом теле ее муж, прячется ли он где-то в темном углу, как ребенок. Он казался постоянно озабоченным чем-то, сосредоточенным на некой тайне, по сравнению с которой слова Эдриэнн не имели никакого значения. Ее друзья советовали ей быть сильной. Родители говорили, что брак – это марафон, а не спринт. Он – твой муж, напоминали они ей. Поэтому Эдриэнн списывала всё на психологические издержки постоянного пребывания между жизнью и смертью. Она ходила на работу, платила по счетам, отвозила Шону в детский сад, приходила домой. Только наличие машины во дворе говорило о том, что муж дома. Большую часть времени он теперь проводил в подвале. Она пыталась спуститься туда несколько раз. Снова это делать она боялась. Обнаружив его в темноте, она кое-что замечала. Кое-что очень неудобное в глазах своего мужа. Эдриэнн не знала, как это описать:

холодная пустота, взгляд, который полностью опровергал ее надежду на то, что у него остались какие-то нежные чувства к ней. Иногда глаза Чарли начинали смотреть в разные стороны, будто каждый глаз принадлежал отдельному человеку. В такие моменты Чарли не был самим собой. Эдриэнн говорила свой друзьям: «Знаете, мне кажется, что с Чарли что-то всерьез не так». Однажды теория подтвердилась.

Эдриэнн открыла дверь плачущей соседке. Каждые несколько недель ее собака, старый бигль по кличке Квини, выходила на улицу и гуляла по кварталу, по какой-то неведомой причине всякий раз завершая свой путь во дворе Калленов. Эдриэнн не раз пускала милую старушку Квини к себе домой. Это была своего рода локальная шутка, а потому, когда Квини не пришла домой, ее хозяйка сразу направилась к Калленам. Однако в этот раз она обнаружила тело Квини в аллее рядом со своим домом. Ветеринар сказал, что ее отравили. Не знает ли Эдриэнн, что могло произойти?

Эдриэнн не знала, что ответить. Она зашла на кухню, где на столе лежали фотографии, напечатанные в автомате, — фото, которые Эдриэнн сделала в детском саду: милые снимки Шоны и ее маленьких друзей. Несколько дней назад Эдриэнн пришла домой и обнаружила, что Чарли взял ножницы и вырезал из каждой фотографии маленьких мальчиков, оставив на их месте лишь пустой силуэт. Фотографии напугали ее; она пыталась о них не думать. Теперь она уже не могла этого не делать. Пустые места в форме людей напоминали

ей мужа. Она думала об этих фотографиях и своем щенке, о Квини и плачущей на пороге соседке. Тогда Эдриэнн тоже начала плакать.

11 февраля 1991 года сестра-фармацевт Пэм Аллен принесла в кабинет риск-менеджера Медицинского центра святого Варнавы Кэрен Сайден^[18] подозрительную сумку-пакет для внутривенного вливания. Порт сумки выглядел использованным, хотя сама она была наполнена до краев. Сайден это тоже показалось странным. Она связалась с заместителем директора больницы по безопасности, бывшим копом по имени Томас Арнольд. Арнольд отправил сумку в лабораторию патологии. Сумка должна была содержать только соляной раствор и гепарин, однако тест показал, что в ней содержался еще и инсулин.

Спустя три дня, в День святого Валентина, пациентке отделения интенсивной терапии «Святого Варнавы» по имени Анна Байерс поставили капельницу с гепарином. Через полчаса она покрылась холодным потом, плохо соображала, почувствовала тошноту и слабость. Лабораторный анализ крови показал очень высокий уровень инсулина. Ей дали апельсиновый сок – простое лекарство для нормализации после передозировки на раннем этапе. Это не сработало. Медработникам пришлось поставить Байерс капельницу с декстрозой, чтобы сахар попадал непосредственно в кровь. Это спасло женщину от смерти, но в ней было так много инсулина, что декстроза не остановила передозировку. В таком состо-

янии она находилась все утро, день и ночь. На следующее утро у Байерс была запланирована операция – ей в сердце должны были поставить катетер. Теперь же она вряд ли была способна пережить операцию, однако ее терапевт на всякий случай сказал убрать капельницу гепарина^[19]. Как только это сделали, уровень инсулина упал и пациентка почувствовала себя лучше.

К двум часам дня она вернулась в палату, в стабильном состоянии. Ее проблемы с уровнем сахара в крови испарились. Кровотечение из хирургических ран остановлено. Анна Байерс была готова к тому, чтобы ей снова поставили гепариновую капельницу. Капельницу поставили. И вскоре пациентка снова оказалась в таком же нестабильном состоянии. Медсестры начали вводить ей сахарный раствор в попытках восстановить баланс. Ее состояние колебалось между стабильным и критическим, она то приходила в себя, то теряла сознание. К 23:00 в ее крови сахара было недостаточно даже для того, чтобы можно было подсчитать его количество. Ее тело сожгло весь сахар и не оставило мозгу ничего. Байерс была в одном шаге от остановки сердца.

Медсестры отсоединили ее от капельницы и повезли в реанимацию. Однако за те двадцать минут без капельницы Анне Байерс снова стало лучше.

Дальше по коридору с пациентом по имени Фред Белф происходило то же самое. В 7:00 ему ввели гепарин. К полуночи его рвало на себя, потому что апельсиновый сок не мог

удержаться у него в желудке. Врачи прописали, чтобы ему вместе с гепарином вводили еще и декстрозу. Содержимое двух капельниц бежало, отпихивая друг друга, по его венам наперегонки, весь день и всю ночь, превращая его тело в метаболические качели.

К 19:00 следующего вечера в госпитале догадались, что между побочными эффектами и капельницами с гепарином есть некоторая связь. Медработники убрали капельницу Белфа, и он почувствовал себя лучше. Сотрудники больницы в перчатках изъяли сумку для внутривенного вливания, положили ее в стерильный пластиковый мешок и отправили в лабораторию.

Тест обнаружил в сумке инсулин. Микроскопический анализ поверхности показал, что ее протыкали крошечными иглами. Три отверстия находились по краям сумки. Это было крайне нетипично. Сумки с соляным раствором иногда случайно протыкают иглами в процессе присоединения к капельнице, а затем и к пациенту, однако это никогда не делается по периметру. Следы не выглядели случайными. Представлялось вероятным, что кто-то намеренно и неоднократно отравлял сумки для внутривенного вливания в складских помещениях больницы святого Варнавы. У Арнольда и Сайден были доказательства в виде двух сумок, а также странные случаи Байерс и Белфа. Теперь они просматривали карточки пациентов отделения интенсивной терапии, чтобы найти другие случаи подобных необъяснимых передозировок ин-

сулином.

И хотя им не удалось установить причину, они обнаружили, что такие передозировки случались с пациентами регулярно. В течение нескольких месяцев остановки сердца в больнице не просто участились, но стали происходить буквально одна за другой; медработники реанимации бегали от одного пациента к другому. Обнаруженные сведения оказались странными и запутывающими: случаи не были привязаны к конкретному отделению или конкретной смене. Однако в отделениях интенсивной терапии, реанимации и кардиологии «Святого Варнавы» многие пациенты непостижимым образом страдали от гипогликемии.

Лабораторные анализы^[20] показали не только исключительный и беспрецедентный уровень инсулина в крови этих людей, но и то, что в большей степени этот инсулин был «инородным»: он не был выработан их телом. Инсулин им вводили извне.

Первое предположение заключалось в том, что кто-то совершил ошибку – медсестра или медбрат неправильно поняли предписания врача или на пузырьках были перепутаны ярлыки. Подобные ошибки постоянно случаются в больницах. Арнольд и Сайден изучили карты пациентов, однако не нашли рекомендаций врачей относительно инсулина или записей медработников, что пациентам его вводили. Это означало либо что сразу на двух уровнях была совершена ошибка – пациентам ненамеренно дали лекарство, которое им не

было назначено, и медработники забыли заполнить карту, — либо что это вовсе не случайность. В любом случае это представляло собой проблему. Арнольд показал свои наработки боссу — главе безопасности «Святого Варнавы» и вице-президенту медицинского центра Джо Бэрри.

Джо Бэрри был заслуженным ветераном полиции с тридцатилетним стажем и наградами, бывшим майором полиции штата Нью-Джерси. Теперь в качестве вице-президента больницы по безопасности Бэрри предстояло провести осторожное расследование возможного убийства пациентов. Учитывая их суммарный опыт, Арнольд и Бэрри имели все необходимые навыки, чтобы справиться с таким непростым делом. После того как они исключили из числа подозреваемых посетителей пациентов, все их внимание было сосредоточено на персонале больницы. Арнольд и Бэрри сравнили расписания медработников с временем и датами остановок сердца этих пациентов. Всего три сотрудника работали во время каждого случая. Одним из этих сотрудников был Чарльз Каллен, и он заинтересовал бывших копов больше остальных^[21].

Арнольд к тому моменту уже опросил нескольких сотрудников больницы святого Варнавы касательно инсулиновых инцидентов^[22]. Все медработники нервничали, переживали за свои рабочие места и репутации, а также за пациентов, о которых шла речь. И только Чарли Каллен не выглядел обеспокоенным. Как раз наоборот, он выглядел абсолютно

равнодушным ко всему. Арнольд не показалось, что таким образом Каллен говорит: «Кто, я?» Каллену действительно было наплевать. Больше того, он был даже дерзок. Арнольд несколько раз пытался запланировать встречу с Калленом, но его работодателем была кадровая фирма, а не больница. Его смены были непоследовательны и постоянно менялись, Каллена сложно было поймать. Когда Арнольд загонял Каллена в угол, тот каждый раз давал понять, что занят «медицинской работой», чем-то более важным, нежели интриги, которые плетет Арнольд. Когда они с Бэрри наконец усадили Каллена в конференц-зале^[23], медбрат отказался отвечать на любые вопросы. Он сидел в кресле на колесиках, скрестив руки на груди, и рассматривал линолеум. Подобное поведение было для бывших копов тревожным сигналом, о чем Арнольд и сообщил Чарльзу.

«Я знаю, что ты что-то добавляешь в эти сумки», – сказал ему Арнольд. Он начал в лоб – чутье подсказывало ему, что парень нечист. «Вы не можете ничего доказать», – ответил Каллен. Это показалось следователям не тем ответом, который дал бы невиновный. Кроме того, не самым умным ответом. Бывшие копы Арнольд и Бэрри восприняли его как «пошли вы». Такое поведение вывело Арнольда из себя, заставило его принимать все близко к сердцу. Каллену, однако, было наплевать и на это. «Я не обязан с вами разговаривать», – сказал он и вышел из комнаты.

Арнольд и Бэрри наблюдали такое поведение на улице,

будучи копами, но никогда не видели подобного в больнице. Поцарапанные машины на парковке, кражи из магазина сувениров, слишком бурные реакции на ограниченные часы посещения – это была их рутина. Иногда им приходилось иметь дело с медработниками, но в основном это были наркоманы, которые таскали перкосет или викодин, а затем подделывали записи в картах. Однако здесь было что-то пострашнее. Невозможно было представить причину, по которой кто-нибудь стал бы отравлять случайные сумки с соляным раствором и вводить в них инсулин. Разумного объяснения поведению Каллена Арнольд тоже не находил – казалось, что ему совершенно наплевать на обвинения. Он даже не был удивлен. Арнольд увидел пустоту во взгляде Каллена, и ему это не понравилось. Самое худшее заключалось в том, что Чарли был прав: он не обязан с ними разговаривать. Расследование должно было компенсировать недостаток показаний Каллена.

Арнольд и Бэрри попросили персонал помочь им составить хронологию и показатель смертности на том отрезке времени, когда Каллен работал в отделениях интенсивной терапии, реанимации и кардиологии. Чем глубже они копали, тем больше находили странных случаев^[24]. Однако им не доставало железобетонной уверенности, без которой не может быть дела. Все пациенты страдали от целого комплекса различных болезней и симптомов, связать их передозировки инсулина и – в некоторых случаях – смерти с каким-то

конкретным событием или с Чарли Калленом было невозможно. Существовала вероятность, что все эти факты – просто совпадение. По той причине, что Каллен был наемным работником, большинство его смен являлось срочными вызовами и соединить его действия с происходящим в отделении оказалось довольно сложно. Если они планировали продолжать расследование, им нужна была помощь извне. Пришло время задействовать полицию.

Арнольд и Бэрри каждый месяц встречались с шефом полиции Ливингстона Доном Джонсом. Встреча носила исключительно практический характер: медцентр святого Варнавы был крупнейшим работодателем в Ливингстоне, главным источником налоговых выплат для города. Невозможно было отделить частные корпоративные проблемы медицинского центра от муниципальной повестки дня.

Шеф Джонс был известным в Ливингстоне персонажем, имеющим репутацию человека, увеличивающего свой доход за счет сверхурочных, которые обычно брали новички с низкой зарплатой и полицейские, ожидающие пополнения в семье. У него на горизонте маячила пенсия, поэтому возможность перейти в частный сектор на управленческую позицию в «Святом Варнаве» казалась привлекательной. Если Джонс намеревался проявить себя в глазах администрации больницы, такой шанс ему предоставился 5 марта 1991 года, когда Бэрри и Арнольд встретились с ним в итальянском ресторане и за обедом рассказали о своем деле.

У них были все базовые элементы серьезного полицейского расследования: преступление, жертва, улики и подозреваемый^[25]. Предполагаемые убийства были совершены как минимум в двух отделениях. Они обладали физическими доказательствами преступного нарушения целостности сумки для внутривенного вливания с применением смертельных доз лекарства, а расследование выявило серьезного подозреваемого среди персонала «Святого Варнавы». Для бывшего полицейского Арнольда казалось очевидным, что у Медицинского центра святого Варнавы на руках серьезная криминальная проблема. Однако Джонс не хотел иметь с этим ничего общего. Он сказал Бэрри и Арнольду, что не может ничего сделать с теми доказательствами, которые у них имеются. Лучшее всего для больницы будет решить этот вопрос самостоятельно. Бэрри и Арнольд не понимали, думает ли Джонс, что он делает больнице одолжение, или он действительно не представлял возможным провести серьезное медицинское расследование с теми доказательствами, которые у них на руках. Арнольд не мог его в этом обвинить: они и сами не могли доказать свою теорию. Так или иначе, это все еще оставалось их проблемой.

Арнольд и Бэрри применили все известные им уловки, для того чтобы поймать Каллена с поличным, даже устанавливали камеры с датчиками движения в складских помещениях на несколько недель. Они допросили разных врачей, медработников и даже посетителей, которые бывали в тех

отделениях, где лежали интересные их пациенты, а также придумали новые протоколы для выдачи лекарств медработникам, в которых обычный инсулин попадал под те же регулятивные меры, что и вызывающие привыкание медикаменты, такие как морфий. Когда в октябре того же года еще двое пациентов получили необъяснимую передозировку инсулином в отделении реанимации «Святого Варнавы», связанную с испорченными сумками для внутривенного вливания, Арнольд и Бэрри снова остались наедине со своими подозрениями и фрустрацией и по-прежнему не могли ничего доказать^[26]. Они все еще пытались это сделать, когда Чарльз Каллен просто уволился. Проблемы с инсулиновыми передозировками исчезли вместе с ним.

Чарли понимал, что его мир скоро рассыплется, будто домик из картона. Он начал чувствовать, что люди из «Святого Варнавы» знают, чем он занимается^[27], – те, кто его допрашивал, четко дали ему это понять. Не важно, сколько сумок он испортил – одну или сотни. Они знали. Они даже не изучали период его работы в отделении ожогов, но все равно знали. В течение нескольких месяцев они концентрировались на двух пациентах, у которых случилась передозировка и остановка сердца. В остальных случаях легко было запутаться: сложно отличить необычные симптомы от их стандартного набора при комплексе заболеваний, но с этими двумя все было очевидно. Чарли осознавал, что Арнольд и Бэрри вычислили всех медработников, чья смена совпадала с этими двумя случаями, и поняли, что только он работал в оба этих вечера. К тому же они нашли, изучили и сохранили в качестве улики сумки для внутривенного вливания, в которые он добавлял инсулин в кладовке. Иногда он делал это в случайном порядке, не задумываясь о том, кто именно страдает. Чарли был уверен, что его отпечатки остались на всех испорченных сумках: он даже не думал надевать перчатки. Он считал, что если Арнольд и Бэрри захотят его прижать, то у них это получится.

Он наслаждался ожиданием, степенным течением време-

ни и особым напряжением, которое оно добавляло к ночным сменам. Все стало невероятно четким, каждый щелчок перчатки или глоток кофе казался проникнутым особым смыслом. Всю весну, осень и зиму он ждал развязки истории. Когда ее не наступило, он решил, что сотрудники больницы слишком боялись, были чересчур глупы, а может, и всё вместе. Чарли мог представить масштаб тех неприятностей, которые доставят больнице его развлечения, – иски на огромные суммы, как те, что показывают по телевизору, способные приструнить любого корпоративного гиганта. О чем бы ни беспокоилась больница, Чарли понимал, что не о пациентах. Сотрудники больницы лгали точно так же, как лгали ему, когда он осматривал тело матери.

Они скрывали. Они прятали. Никто на самом деле не стремился избавить людей от боли; он ощутил это лицемерие, когда то же самое произошло с ним. С профессиональной точки зрения он находил легалистский подход крайне неприятным. Как человек, воспитанный в католической среде, он видел в этом иронию: святой Варнава, Сын утешения, – покровитель всех тех, кто находится на дне. Неспособность больницы остановить Чарльза казалась ему своего рода искуплением вины. Поэтому когда «Святой Варнава»^[28] перестал звонить ему и предлагать смены, Чарли был искренне удивлен.

10 января 1992 года

Чарли объяснил свое увольнение Эдриэнн как вызванное какими-то внутренними политическими интригами в больнице, проблемами, его не касающимися. По его словам, он просто попал под раздачу администрации. Он сказал Эдриэнн, что причиной тому стала ожидающаяся забастовка медработников. Об этом говорили в отделении, но Чарли был в числе тех, кто выступал против. Он говорил, что пострададут пациенты. Это был вопрос принципа – Эдриэнн видела, как во время его рассказа снова появляется прежний Чарли. Чарли ясно дал понять, что он ставит пациентов выше зарплаты и прорвет линию пикетирующих, если это потребует-ся. Это мнение было не самым популярным, а потому он стал объектом мести внутри отделения. Они сделали его козлом отпущения.

Это запутало Эдриэнн. Козлом отпущения? Ради чего? Чарли сидел в кресле, как кот, величественно и строго. Ну, говорил он, все это крутилось вокруг странных случаев в «Святом Варнаве». Имели место некоторые инциденты, и это повлекло за собой расследование. Инцидент – ну, кто-то подмешивал что-то в сумки для внутривенного вливания. Подмешивал инсулин, который опасен, как Эдриэнн может себе представить. Эта история ее шокировала. Чарли рас-

сказал ее спокойно, объясняя во всех деталях, что порты на сумках для соляного раствора сделаны так, чтобы их можно было проткнуть иглой с целью добавить в раствор лекарства, и что невооруженным глазом невозможно определить, протыкали сумку или нет. Увидеть можно под микроскопом, говорил он. Проколотый порт выглядит как использованная пробка, некоторые из них прокалывали десятки раз. В его отделении случались передозировки и остановки сердца, говорил Чарли, – только так администрация смогла определить, что происходит что-то плохое. Невозможно сказать, сколько именно пациентов стали жертвой всего этого и сколько из них скончалось в итоге, но, вероятно, очень много, действительно впечатляющее количество.

Кто за этим стоял – большая загадка, говорил Чарли, прямо шпионский роман. Больница провела серьезное расследование, но не смогла определить виновного. Чарли считал, что все это выставляло руководство госпиталя полными дураками. Поэтому им нужен был козел отпущения, мученик. Чарли был распят, потому что поступил правильно в ситуации с забастовкой. Его сделали приоритетной целью внутреннего расследования в «Святом Варнаве». Поэтому его уволили. Это было нечестно, говорил Чарли, но такова была его жизнь – несправедливой.

Эдриэнн не видела мужа в таком возбужденном состоянии долгое время, а потому его эмоции каким-то образом нейтрализовали кошмарное впечатление от его рассказа. Вся

эта история казалась Эдриэнн бессмысленной. Она не хотела видеть в ней логику.

Чарли ждал, пока его мир рассыплется на части от такого страшного удара, но этого не произошло. Причина и результат: первое было похоронено под эвфемизмами вроде «затруднений»; второе находилось в процессе постоянного изменения. Не было никаких полицейских, никто его не преследовал, никто ему не звонил. Вместо того чтобы опуститься на самое дно, две недели спустя Чарли уже сидел в кресле напротив стойки отдела кадров больницы округа Уоррен^[29], расположенной в Филлипсберге, Нью-Джерси, и заполнял анкету для очередной вакансии на полную ставку^[30].

В графе «Опыт работы» он указал свои обязанности как техника на ядерной подлодке, три года работы кладовщиком в «Кэлдор» в Уэст-Ориндже, а также почти шесть лет работы медбратом в больнице святого Варнавы. Указанные им «Временные границы занятости» с мая 1987-го по январь 1992-го с технической точки зрения были верны: он был уволен из «Святого Варнавы» в начале января. На тот момент январь еще не закончился.

Можем ли мы связаться с вашим последним работодателем? Чарли отметил: да^[31].

Контакты работодателя? Чарли указал телефонный номер «Святого Варнавы».

Когда женщина-рекрутер спросила, почему такой молодой медбрат захотел оставить стабильную работу, Чарли глу-

боко вздохнул и сказал, что дорога до работы была слишком длинной. Дорога от больницы Уоррена до дома, где его ждала семья, короче на двадцать минут. Смена места работы была общим семейным решением, такой уж Чарли был человек. Так было лучше.

Чарли хотел работать как можно больше: ночами, по выходным и праздникам. Уоррен платила 14,84 доллара в час и 18,30 доллара, если он продолжит пользоваться страховкой Эдриэнн, и лишние 23 цента в час, если Чарли переведут в отделение интенсивной терапии. Чарли позвонил Эдриэнн с телефона-автомата в холле больницы Уоррена, желая поскорее рассказать жене о том, что получил работу. Если Чарли что-то натворил, разве смог бы он так быстро найти новую работу? Эдриэнн положила трубку телефона и про себя поблагодарила Бога. Честно говоря, с двумя детьми и ипотекой ей уже было не так важно, был Чарли прав или виноват, важно было то, что он работал. Тем более слова мужа теперь не казались бессмыслицей. Если нельзя доверять больнице, то кому тогда можно?

Эдриэнн надеялась на лучшее. Увольнение Чарли казалось таким ужасным, что поначалу она посчитала его подтверждением собственных тревожных мыслей относительно характера мужа. Потом, когда он так быстро получил новую работу, она вновь начала сомневаться в обоснованности этих мыслей. Чарли был членом профсоюза, образованным и проверенным, получил образование, которое требовало постоянного подтверждения квалификации, за ним следил совет медработников штата, совет по этике, супервайзеры и отдел по работе с персоналом. Если такие серьезные обвинения не повлекли никаких последствий, если его так быстро наняли после увольнения – значит, это все обычные составляющие процесса. Невозможно было себе представить, что институт, которому доверяют жизни людей, не следит за работой персонала хотя бы так же внимательно, как за сохранностью запасов морфия. Эдриэнн не разбиралась в медицине, но разбиралась в бизнесе; все указывало на то, что увольнение и последующее принятие на работу Чарли имели под собой не больше этического подтекста, чем любая другая корпоративная реорганизация.

Смена места работы, как ей виделось, дала мужу новый толчок. Сама работа получила новый вектор развития и стала лучше оплачиваться. Чарли, казалось, был в восторге от

нового распорядка, изучения новых технических систем и новых пациентов, на которых их можно было опробовать. Этот восторг отразился и на его поведении дома, которое стало если не позитивным, то как минимум более живым. Чарли даже согласился работать днем, чтобы их с Эдриэнн расписания не были абсолютно противоположными. Это добавило расходов на дневной уход за детьми, но выглядело обнадеживающим знаком для отношений. Всего через неделю у них снова начались проблемы.

Эдриэнн не видела в Чарли хорошего мужа очень давно, но после рождения второй дочери, Саскии, в середине декабря 1991 года она перестала видеть в нем и хорошего отца. В конце концов даже Эдриэнн уже не могла игнорировать тайный алкоголизм Чарли. Избегать этой темы больше не представлялось возможным. Поначалу он это отрицал. Затем Эдриэнн взломала его ящик, когда он был на работе, и предъявила ему бутылки. Чарли попытался сместить акцент спора на нарушение его личных границ, но Эдриэнн на это не купилась. Наконец он признал, что выпивает, но продолжил настаивать на том, что в этом нет ничего страшного. Он чувствовал себя подавленно, но нет, антидепрессанты принимать не хотел. Для Эдриэнн было очевидно, что депрессия мужа только усиливалась от выпивки, что он катился по наклонной – и это сказывалось на их семье. Спорить с Чарли, когда он был пьян, не имело никакого смысла. Они ссорились и обменивались ругательствами, после чего Эдриэнн

мучилась по ночам, а Чарли на следующее утро этого либо не признавал, либо не помнил. Каждый раз, как она пыталась поднять эту тему, когда Чарли был трезв, он убегал в подвал. В конце концов Эдриэнн решила, что не обойдется без посторонней помощи. Семейные льготы, которые предоставлял ее работодатель, покрывали пять дней в центре лечения от алкоголизма. Но Чарли совсем не хотел бросать пить. Эдриэнн пыталась оставлять для него книги «Анонимных алкоголиков» на столе, надеясь, что он вспомнит, как раньше решал эту проблему, но это только ухудшило ситуацию. Чарли злился, или игнорировал их, или убирал, делая вид, что начал читать. Затем он сидел и пил колу с чипсами до тех пор, пока не приходилось снова скрываться от вопросов в подвале.

Чарли не видел смысла в разговорах. Ему нравилось пить. Это поднимало ему настроение, по крайней мере поначалу. Выпивка заглушала шум. Превращала утекающие минуты в застывшее Сейчас. Одновременно он чувствовал себя более отстраненным и сконцентрированным. Сконцентрированным прежде всего на себе. Он чувствовал обиду, непонимание, считал трагедией и преступлением то, что его собственная жена не понимает его хрупкости, искренности и силы его страданий. Ведь Чарли каждый день испытывал тяжелые страдания. Эдриэнн этого не признавала, хотя он ей это показывал. Он тщательно подходил к демонстрации своей боли, рассчитывая все так, чтобы, когда он уточнял по те-

лефону цены на захоронение в местном ритуальном бюро, в гостиную заходила Эдриэнн.

Представления, которые устраивал Чарли, только еще больше раздражали жену и укрепляли его чувство ненужности. Поэтому он пробовал снова. Он ждал, когда услышит шаги Эдриэнн, идущей с кухни, и драматично падал с дивана на пол гостиной – с высунутым языком, рассыпанными повсюду таблетками из янтарного пузырька: кошмарная сцена самоубийства. Чарли думал, что немного театрально-сти поможет ему продемонстрировать искренность своей боли. Но Эдриэнн лишь глубоко вздохнула, перешагнула через него и взяла со столика журнал, оставив Чарли позировать на протяжении неизвестно какого количества времени. Ползая по ковру, собирая таблетки по одной и аккуратно кладя их обратно в пузырек, он выделил себе дополнительную дозу жалости. Он понимал, как неправильно поступает его жена, когда игнорирует продемонстрированные им страдания. Он цеплялся за эту боль по нескольку дней, а затем изобретал новый способ вызвать к себе сочувственное внимание. Однако чем больше он пытался показать Эдриэнн, что нуждается в ее заботе, тем больше она его ненавидела.

В ноябре 1992 года Эдриэнн наконец решила, что с нее хватит. Она ничего не сказала Чарли, но сказала адвокату; она боялась, что ее дети могут повторить судьбу Квини. По пути домой в ранних сумерках она чувствовала, что ее тайное решение придает ей сил. Единственной проблемой бы-

ло то, что Эдриэнн нужно было сделать операцию на желчном пузыре в будущем январе, и операция эта была назначена в больнице Уоррена, где работал Чарли. Адвокат говорил, что бумаги еще не будут готовы, но Эдриэнн настояла. Она ни в коем случае не собиралась ложиться в эту больницу – больницу Чарли – без бумаги, подтверждающей ее желание развестись и причины, которые ее на это подтолкнули. Если Чарли будет там работать в этот день, сказала она, то с ней может что-нибудь случиться, как с Квини. Она не могла сказать точно, почему она так думала, и боялась это делать. Все, что она сказала своему адвокату, – это то, что необходимо успеть в срок. Отец Эдриэнн сопровождал ее на операцию и ждал в комнате отдыха. Она попросила его не пускать других посетителей, особенно ее будущего бывшего мужа.

Чарли работал в больнице в тот день, когда получил бумаги о разводе. Тот, кто их доставлял, обманул Чарли, чтобы тот представился, а следом вручил ему бумаги прямо в руки и на глазах у всех. Для Чарли было унижительно получать такие личные новости на работе. Затем он попытался найти Эдриэнн в послеоперационном отделении, но нашел только своего тестя и закрытую шторку. Когда Эдриэнн отправили домой, отец поехал с ней. Дома Чарли отправили спать на раскладную койку, будто он представлял угрозу. Сначала Чарли вел себя возмущенно, а потом просто жалко. Постепенно к Эдриэнн начало возвращаться давно забытое сочувствие к мужу. Он страдал. В конце концов, он был отцом ее

детей. Он уже не пытался оспорить факт развода – так нужно ли его наказывать? Супруги решили так: Чарли съедет, как только сможет себе это позволить, а пока этот вопрос не решится, они будут жить вместе. Почти тут же Эдриэнн пожалела о своем решении.

Январь 1993 года

В ту ночь приехали полицейские, двое молодых патрульных с двумя тяжелыми фонарями «Мэглайт». Они припарковали свой автомобиль так, чтобы его было заметно. Для Эдриэнн было непривычно выносить сор из избы, переносить его на бумагу^[32]. Она сказала полицейским, что ее будущий бывший муж был опасным алкоголиком, и намекнула на обвинение в домашнем насилии. Она обнаружила своего мужа пьяным напротив камина, уставившимся мертвым взглядом на книги «Анонимных алкоголиков» и кидающим страницы в огонь. Она рассказала им все, что могла, включая расследование в больнице и как Чарли однажды хвастался, что отравил жестокого парня своей сестры с помощью жидкости для зажигалки в детстве. В ее голове еще не сложилась полная картина, но она хотела дать официальные показания, которые связали бы эти истории с его алкоголизмом и ее страхом за детей и за себя. Возможно, вызов копов помог бы ускорить процесс. Отчасти это была демонстрация, но она помогла Эдриэнн чувствовать себя спокойнее.

Эдриэнн рассказала офицеру все странности Чарли, которые могла вспомнить. Вызов по коду «домашнее насилие» быстро превратился в монолог о странных происшествиях, которые происходили с домашними животными Калленов.

Столько всего выглядело неправильным дома, в больнице, в их браке, но на животных она могла указать абсолютно уверенно. Дело было не только в пропавшем щенке – в разные моменты это были хорьки, хомячки, рыбки и, конечно, Леди, ее старая собачка. Эдриэнн рассказала офицерам, как Чарли привязывал их йоркшира к столбу во дворе, пока она была на работе, как собака лаяла и бегала по кругу, пока люди из общества защиты животных ее не забрали. Эдриэнн пришлось ехать в общество по предотвращению жестокости к животным и умолять вернуть собаку – это было унижительно. После того инцидента Каллены стали держать собаку в доме. Вскоре из подвала до слуха Эдриэнн стали доноситься странные звуки. Иногда ее будили звуки ударов и визги. Чарли утверждал, что дрессирует собаку, но Эдриэнн думала, что он ее наказывает. Эдриэнн шла туда в халате и тапках, взламывала дверь, но боялась идти дальше. Она кричала с верхних ступенек лестницы: «Оставь ее в покое!» Чарли не отвечал, но звуки прекращались. Эдриэнн стояла там, слушала тишину и ждала. Она была уверена, что он внизу, стоит замерев, будто ребенок, притворяющийся невидимым под одеялом. Наконец она закрывала дверь в подвал, ложилась обратно в кровать и накрывала голову подушкой.

Чарли злился. Уму непостижимо, да и к тому же нечестно, что его жена рассказала все полиции. У нее не было никакой причины даже вызывать их. У Чарли было много недостатков, но жену он никогда не бил. Она изображала это для ад-

вокатов. Заставила его выглядеть плохим парнем, даже сумасшедшим, чтобы все это было зафиксировано на бумаге для развода. Не важно, по какой причине она вызвала полицию, раз они здесь – она своего добилась. Эдриэнн рассказала им даже о том, что он симулировал суицид. Ответным ходом Чарли было запить двадцать таблеток бутылкой каберне из супермаркета. Так он решил показать ей свою боль по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Чарли родился 22 февраля 1960 года.

2.

Отец Чарли умер спустя семь месяцев после его рождения, а все восемь его детей выживали за счет церковной благотворительности, шитья, которым занималась его больная мать, а также выплат по инвалидности, которые получала его тетя из-за тяжелой травмы ноги.

3.

Он находился на Клинг-стрит. Уэст-Ориндж – небольшой городок в Техасе.

4.

Ему было двадцать четыре года.

5.

На курсе, состоящем из восьмидесяти семи человек.

6.

Чарли не нравился риск унижения, который всегда присутствует в выборах и прочих подобных вещах, но его подруга настояла.

7.

Информация об отношениях между Эдриэнн Баум и Калленом была получена в ходе интервью с обеими сторонами; мисс Баум до этого никогда не соглашалась на интервью. Имена были изменены по ее просьбе.

8.

Эдриэнн чувствовала, будто хорошо знала своего партнера, однако из семьи знала только его одного. Кроме его сестры Морин, которая какое-то время работала в «Рой Роджерс», Эдриэнн не встречала ни одного члена семьи или друга Чарли. Когда она попросила показать место, где Чарли вырос, или познакомить с братьями, молодой человек стал бормотать что-то неразборчивое и закрываться. Она помнит, что вскоре после этого умер Джеймс, один из братьев Чарли. Он умер в старой спальне Чарли от передозировки наркотиками, пытаясь, возможно, свести счеты с жизнью. Старший Каллен – Эдвард, которого все называли Бутчи, – звонил им пьяным из телефона-автомата, не в силах справиться с новостью; Чарли отвез его в квартиру Эдриэнн, чтобы дать ему отоспаться на диване. Так они впервые встретились. Помимо этого, единственный раз, когда Эдриэнн видела Бутчи, был на свадьбе.

9.

Когда Чарли начал свою «карьеру» убийцы, он был

в курсе всех новостей о другом убийце, только что завершившем свою. 6 апреля 1987 года Дональд Харви, находившийся в депрессии и проявлявший склонность к суициду, вылетевший из академии Военно-воздушных сил (ВВС) и ставший медбратом, был арестован за убийства, совершенные им во время работы в Огайо и Кентукки. Харви получил от своих коллег прозвище Ангел Смерти за то, что всегда был первым, кто фиксировал смерть пациента. Он был обвинен в тридцати четырех убийствах.

10.

Такие ожоги обычно называют старушечьими, потому что чаще всего их получают пожилые люди, чья свободная одежда воспламеняется от открытого огня (например, от горячей конфорки).

11.

Эта процедура называется эсхаротомией – от латинского слова, обозначающего «шрам».

12.

Описанное в этой главе датируется ранними девяностыми. Современные отделения ожогов гораздо тише, потому что боль и шок нейтрализуются новыми классами лекарств.

13.

Несмотря на то что возможны и другие даты, эта наиболее вероятна; записи Медицинского центра св. Варнавы за 1987 год были потеряны или уничтожены за некоторое время до начала расследования офисом прокурора округа Сомерсет. Кроме того, в этот день в 1992 году Чарли Каллен убил судью Джона Йенго. Хотя Каллен признавал, что как минимум одно убийство он совершил еще раньше, Йенго был первой жертвой, названной Калленом полицией по имени.

14.

Варнава был левитом с Кипра, который оказал помощь церкви, увеличив количество христиан в Антиохии, осознав важность наличия христианского гарнизона в Греции и вернув апостола Павла из отставки.

15.

В новоиспеченном статусе апостола Варнава проповедовал язычникам в Ликадонии. Ликадонианцы решили, что перед ними не священник, а сам Бог. Варнава говорил про Иисуса, а они называли его Юпитером. Был ли Сын утешения сбит этим с толку?

16.

Его забили до смерти камнями непокорные евреи в Саламисе на острове Кипр.

17.

Имена детей изменены по просьбе Эдриэнн Баум.

18.

Подробности этого инцидента и последующего расследования взяты из полицейских отчетов, показаний свидетелей и судебных документов, а также из интервью с Чарльзом Калленом и Томасом Арнольдом.

19.

Гепарин – антикоагулянт, используемый для разжижения крови, чтобы не допустить образования тромбов, которые могут вызывать сердечные приступы и инсульты, однако мешающий остановить кровотечение во время и после операции.

20.

Исследования проводили эндокринологическая и радиоизотопная лаборатории города Ливингстон, Нью-Джерси, а также отделение больницы продукции лаборатории Эббот-Парка, Иллинойс.

21.

Арнольд сказал следователям, что расследование дела Чарльза Каллена было сфокусировано на старом кардиологическом отделении, которое находилось на

шестом этаже, и отделении 5700 (тоже кардиологическом). Арнольд и Бэрри настолько сосредоточились на фигуре Каллена, что их анализ смертельных случаев был привязан только к тем отделениям, где он работал. Арнольд говорил, что не обращал внимания на отделение ожогов, учитывая, что Каллен не работал там в то время, когда проходило расследование.

22.

Изначально под подозрением был Каллен и еще две медсестры. Одна из сестер оказалась «чистой», а другая была уличена в краже морфина для личного пользования.

23.

Это было первое из двух интервью, которые Арнольд и Бэрри провели с Калленом в ходе расследования.

24.

Расследование включало в себя просмотр карт пациентов, рабочих расписаний, шкафов дозирования лекарств, записей с камер видеонаблюдения, допросы, сбор улик (пакеты для внутривенного вливания и анализы патологий).

25.

Протоколы полицейского расследования. Таковы воспоминания Чарльза Каллена, а также его жены Эдриэнн,

что было отражено в ее свидетельских показаниях и затем, в 2010 году, во время интервью с автором этой книги. Тот факт, что Каллен был главным объектом расследования, подтверждается в прямом обращении Бетти Гиллиан (административный директор отделения реанимации, которая уволила Каллена) к прокурору округа Сомерсет; Гиллиан давала показания 14 ноября 2003 года, когда занимала должность супервайзера и вице-президента корпоративного офиса Медицинского центра св. Варнавы. Томас Арнольд тоже подтвердил, что расследование строилось вокруг фигуры Чарльза Каллена.

26.

Супервайзер отделения телеметрии Нэнси Холсек затем сравнила этот процесс с поиском иголки в стоге сена.

27.

Из интервью автора с Чарльзом Калленом.

28.

Формально Каллен был сотрудником Центра медицинских услуг, бывшего Центра медицинских услуг Ливингстона – частной коммерческой дочерней компании Медицинской корпорации св. Варнавы, которая поставляла сотрудников для отделений. Показания сотрудников Центра медицинских услуг объясняют, что между 6 и 10 января

1992 года Каллен стал «невызываемым», так как термин «уволен» не соотносился с политикой компании. Причиной увольнения назвали неправильное заполнение документов и «ухудшившееся отношение к работе». Например, было обнаружено, что 20 июня 1990 года Каллен отменил назначенную терапевтом вентиляцию легких одному из пациентов, а затем, 21 июня, отменил и другому пациенту. Среди проблем с документацией нашлось несколько ошибок с лекарствами, в частности 14 марта 1991 года, когда вошедший медработник обнаружил, что Каллен не дал пациенту выписанное лекарство, но поставил ему капельницу, на которой была красная наклейка без какой-либо надписи. Его коллеги выразили «глубокое беспокойство в отношении реакции Чарльза на совершение двойной медицинской ошибки» и думали, что он не был «обеспокоен своей ошибкой или состоянием пациента». В числе других инцидентов, несущих потенциальную угрозу жизни пациентам, был случай 26 июля, когда Каллен вписал в карту пациента назначение четырех доз инсулина. На самом деле никакого инсулина пациенту не назначали. В показаниях Нэнси Холсек, главного вице-президента по делам пациентов в медицинской системе «Святого Варнавы», говорилось, что Каллен был уволен в связи с «проблемами в уходе за пациентами».

Подробности принятия на работу Каллена и событий, произошедших в больнице округа Уоррен, взяты из дела Чарльза Каллена, которое хранилось в больнице, документов полицейского расследования, показаний свидетелей и записей судебных заседаний.

30.

Точная дата увольнения Каллена из «Святого Варнавы» неясна, но его собеседование в больнице Уоррена состоялось 21 января 1992 года.

31.

Доступные записи тех лет содержат вписанные Чарли рекомендации и телефонные номера, но не содержат информации о том, проверял ли кто-то из сотрудников отдела кадров больницы Уоррена эти рекомендации и звонил ли в Медицинский центр св. Варнавы или Центр медицинских услуг Ливингстона.

32.

Подробности взяты из судебных документов, интервью с Эдриэнн Баум и полицейских отчетов.